

Протоиерей Константин Костромин

МОНОПОЛИЗМ И ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

С появлением в XV в. общерусского летописания в историографии истории Церкви господствует априорное представление о монополии определенной церковной власти на ведение церковных дел, а в русской церковной истории — об исторической монополии Киевской митрополии Константинопольского Патриархата, а затем автокефальной Московской митрополии (Патриархии) в церковной жизни Древней Руси и России. Сейчас в науке монополизм рассматривается исключительно как экономическое явление. Представляется странным, что понятие монополизма не находит применения в философском дискурсе или в историческом контексте. Церковь изначально восприняла себя как естественную монополию на «конфессиональном рынке». И именно такая модель лучше всего объясняет русские церковно-государственные отношения XV–XVII вв. Борьба государства с таким монополизмом была неизбежной. В результате реформ Петра монополизм Церкви был государством «национализирован» и поглощен. Анализ ситуации в годы правления князей Владимира и Ярослава показывает, что говорить о монополии Киевской митрополии нельзя. Появление трех митрополий во второй половине XI в., ситуация середины XII в., когда часть княжеств подчинялась автокефальному митрополиту, а другая константинопольскому ставленнику, попытки Андрея Боголюбского организовать митрополию во Владимире, сосуществование в XIV в. двух параллельных русских иерархий также нарушало принцип монополии церковной вертикали власти. Только в середине XV в. произошло одновременное становление административного монополизма в Московской России и в Русской Церкви. Идея «Москва — Третий Рим» обеспечивала и государственный, и церковный монополизм, который рухнул не только с гибелью империи, но и с появлением обновленчества.

Ключевые слова: История Русской Церкви, монополизм, историография, естественная монополия, церковно-государственные отношения.

Вопрос о монополизации (присвоении и удерживании прав на что-либо со стороны одного государства, класса, социального слоя, корпорации, отдельных лиц) всегда стоял и стоит остро, так как монополия имеет возможность диктовать свои условия потребителям того, что было монополизировано. В эпоху идеологических войн вопрос о монополизации приобрел особенное значение, особенно после того как понятие монополизации было перенесено в идейную сферу. Однако не все экскурсы в тему монополизма могут рассматриваться как идеологические. Сам по себе вопрос о монополизме вне экономической теории изучен очень слабо. В данной статье поднимается вопрос о том, что такое монополизм в историческом знании и может ли он по естественным или искусственным причинам наблюдаться в области церковной истории. Ввиду современных политических инсинуаций касательно монопольных церковных прав на территории Украины придется отказаться от экскурсов по вопросу истории, прав и условий формирования церковной жизни на территории сопредельных государств, а также вопроса (монопольных) прав иных Церквей на принятие в отношении данных государств церковно-канонических решений, равно как и вообще от тем,

Протоиерей Константин Александрович Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

которые были политизированы в последнее время, чтобы сохранить академизм в поднимаемом вопросе.

Не только учебники церковной истории, но и подавляющее большинство научных работ по истории Церкви написаны с позиции априорной монополии церковной власти на ведение церковных дел, исторической монополии Киевской митрополии Константинопольского Патриархата, а впоследствии — автокефальной Московской митрополии (Патриархии) в церковной жизни Древней Руси и России. Фактически, говоря о монополии центральной киевской церковной власти Древней Руси, имеют в виду мгновенное (или быстрое) появление (формирование) «вертикали власти», созвучной ценностям России XVII–XIX вв. и современной нам России, но забывают, что иногда вместо «вертикали» выстраивается «горизонталь» и что монополизм не всегда был первоочередной ценностью формирующейся власти. Вопрос о правомочности такого взгляда можно рассматривать как с позиций развития исторической науки, т. е. в историографическом аспекте, так и в методологическом аспекте, опирающемся на изучение хода исторического процесса. Первый неизбежно приведет к выяснению политической конъюнктуры и принадлежности любого историка какой-либо идеологии или партии, т. е. низведет проблему до уровня рефлекторного следования прописанным канонам политической борьбы за власть. Не желая следовать этим путем, я намерен остановиться на теоретическом, методологическом его ракурсе (что является, насколько мне известно, совершенно неразработанной темой в исторической науке), не оставляя совершенно в стороне, впрочем, и историографический аспект.

В современной науке монополизм рассматривается исключительно как экономическое явление. Впервые оно стало фигурировать в научных работах конца XIX — начала XX вв., посвященных капитализму, империализму в социально-экономическом контексте. В связи с появлением крупных монополий и актуальностью в ту эпоху разработки трудового законодательства такой ракурс был совершенно оправдан¹. По мере того как развивались правовые отношения между работниками и работодателями, социальный накал заметно снизился и акцент был перенесен полностью в экономическую сферу. Здесь он рассматривается обычно как причина злоупотреблений, как фактор развития экономики, как процесс, затрудняющий (или облегчающий) вмешательство государства в экономические отношения [Фомичева, 2014, 332–340; Вакс, 2011, 10–13; Демин, 2009, 436–439]. Однако представляется довольно странным, что понятие монополизма не было использовано, например, в философском дискурсе. Очевидно, что это понятие может иметь значительно более широкое применение в академической науке. Считаю необходимым изучать его и в историческом контексте, в данном случае — на церковно-историческом материале.

В экономике монополии обычно подразделяют на естественные, государственные (закрытые) и открытые. Естественные монополии — предмет наиболее дискуссионный — объединяют обладающие единой сбытовой системой предприятия, удовлетворение спроса на продукты (услуги) которого эффективнее при отсутствии конкуренции [DiLorenzo, 1996, 43–58]. Вопрос формирования таких монополий, их устойчивость и долговечность, эффективность и необходимость неочевидны. Государственные монополии, из которых наиболее известная и долговечная — алкогольная (или винокурная), создаются при помощи различных государственных ограничительных мер. Открытые монополии возникают при появлении нового сегмента рынка и быстро исчезают с появлением конкуренции. Этот последний тип монополий нас интересует не будет, так как он имеет минимальные пересечения с церковно-исторической проблематикой.

Церковь должна восприниматься как естественная монополия на «конфессиональном рынке» (Основные принципы, 115–122). Таковой Церковь понимала себя уже с начала своего существования, так как язычество она считала безбожием, аналогично как и язычники поначалу считали безбожниками христиан. Язык и предмет разговора

¹ См., например, работы Дж. А. Гобсона «Империализм» (1902), Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910) и В. И. Ленина «Империализм как высшая фаза капитализма» (1916).

христиан и религиозных язычников был совершенно различен. Христиане в позднеантичном мире оказались ближе к античным философам, чем к языческим жрецам. Государство в лице римских/византийских императоров боролось с этим монополизмом жречества на религиозную сферу, как и сегодня государство вводит как антимонопольное законодательство, так и законодательство о культурах, т. к. они ощущают и первичное удобство работы с монополистом, и опасность общения с ним впоследствии.

Модель именно таких взаимоотношений лучше всего объясняет русские церковно-государственные отношения XV–XVII вв. Иван III и Василий III сами же усиливали монополизм Церкви, выделяя ее в некую «духовную опричнину», разрешая ей иметь свой земельный фонд, свои иммунитеты, своих бояр, своих крестьян, свое законодательство (Кормчую книгу), и сами же боролись с монополизмом, пытаясь ограничить власть Церкви и рост ее земельного фонда [Зимин, 1982, 199–210]. К середине XVI в. взаимоотношение сил стало иным: с одной стороны, Иван Грозный уже никак не контролировал Церковь как социальный организм внутри Русского государства, а с другой, введение опричнины копировало Церковь изнутри и (извращенно) по внешним формам и было по Церкви не меньше, чем по удельному строю (не случайно 70% опричнины территориально совпало с митрополичьей областью) [Шапошник, 2006, 257–432].

Примеры попыток поглощения государства Церковью — патриархи Филарет и Никон. Даже при почти неограниченной власти такое не могли себе позволить ни митр. Алексей в XIV в., ни митр. Иона в XV в. После же митр. Геронтия казалось, что Церковь больше не обладает волей в политическом противостоянии государству. Однако подавление личной воли отдельных митрополитов как личностей и митрополитов в целом как политических фигур не означало упразднения монополии Церкви в духовной (психологической, культурной, экономической и проч.) сфере. Этот монополизм и дал возможность Церкви не просто выжить, а пронести через тяжелую эпоху Ивана III — Ивана IV основы своего влияния на государство.

Борьба государства с таким монополизмом была неизбежной. Раскол XVII в. стал в том числе (не считая многочисленных иных аспектов) средством борьбы с монополией Церкви в России. Первой ласточкой стало создание монастырского приказа в 1649 г. [См.: Амосова, 2008]. Реформы же Петра, совершенно резонные, если рассматривать их как антимонопольную внутреннюю политику государства, были к началу XVIII в. неизбежными. Если обратиться за примерами, которые историками и объяснялись с позиции монополизма, можно вспомнить такое явление, как отлучение. Изначально церковное средство борьбы с расколом и инакомыслием, оно было монополизировано государством и использовано в государственной же сфере [Отлучение, 1912–1913, 1721]. Монополизм Церкви был государством «национализирован» и поглощен. Можно объяснить результат петровских реформ и иначе: естественный монополизм Церкви стал государственным монополизмом, и в этом качестве должен был рано или поздно быть упразднен.

Когда сложился русский церковный монополизм? Был ли он изначально? Этот вопрос, если оценивать ход развития церковной историографии как историю сложения представлений о монополизме Церкви, не имеет внятного ответа. Из априорного монополизма Церкви исходили историки второй половины XVIII и всего XIX в., включая и архиеп. Филарета (Гумилевского), и митр. Платона (Левшина) и митр. Макария (Булгакова) [Гумилевский, 1849, 158–161 (хотя архиеп. Филарет, по сравнению с большинством дореволюционных историков, наиболее аккуратно подошел к решению этого вопроса); [Левшин, 1913, 18–21; Булгаков, 1995, 26–30 (митр. Макарий сформулировал выводы, предварив их подробным источниковедческим обзором)]. Из принципа монополизма исходили даже авторы Никоновской и Воскресенской летописей, т. е. авторы памятников общерусского летописания². Автор Повести временных лет этого монополизма

² Имеется в виду рассказ о появлении на Руси после крещения князя Владимира митрополита из Константинополя, рассказ, которого не знает Повесть временных лет и, следовательно, содержащие ее летописи XIV — первой половины XV вв. [см.: Воскресенская летопись, 313; Никоновская летопись, 56–57].

не знал [см.: Повесть временных лет, 50–67], следовательно, формирование ощущения церковно-юрисдикционного монополизма нужно искать между XII и XV вв.

Автор Повести временных лет не видел никакой проблемы в том, что в крещении Руси на равных принимали участие «попы курсунские» и «попы царицыны». Более детальный анализ церковной ситуации в годы правления Владимира показывает, что по крайней мере до начала самостоятельного правления Ярослава Мудрого (1036) говорить о монополии Киевской митрополии преждевременно [Костромин, 2015, 48–75]. Появление трех митрополий во второй половине XI в. стало свидетельством того, что монополизм как таковой не сложился на Руси — каждый князь мечтал о самостоятельной церковной политике, и в период правления Ярославичей это было практически реализовано [Назаренко, 2009, 207–245]. Сходная ситуация повторится в середине XII в., когда князьята будут разделены на подчиняющихся автокефальному митрополиту Климу Смолятичу и константинопольскому ставленнику митрополиту Константину [Поппэ, 1996, 455–457]. Причем, что важно, эта ситуация нигде в источниках (прежде всего летописных) не называется расколом. Т. е. речь идет именно об отсутствии попыток монополизировать церковную юрисдикцию. Попытки князя Андрея Боголюбского организовать митрополию во Владимире также говорят против идеи монополии [Воронин, 2007, 86–91]. Когда в XIV в. будут порой сосуществовать две параллельные русские иерархии — подконтрольные московским (или, шире, северо-восточным) князьям и князьям вольным, а затем литовским [Карташев, 1997, 313–328], — это также будет являться нарушением принципа монополии церковной вертикали власти. Однако именно в эту эпоху появляется первый маркер рождения идеи монополизма — первая русская ересь «стригольников»³.

Вторая половина XIV–XV вв. — это время зарождения банковского капитала в Европе и начало пути по капиталистическому принципу хозяйствования в направлении формирования монополий [Карпов, 2003, 39–43, 46–48, 51–53]. К этому времени достигли вершин своего могущества естественные монополии — Ганза в северных морях и генуэзцы в Восточном Средиземноморье и на Черном море, после чего их господство быстро стало катиться к закату. В годы Куликовской битвы складываются предпосылки создания единого русского государства. В середине XV в., в разгар «гуманистической революции» в Европе, произошло одновременное становление административного монополизма в Московской России и в Русской Церкви. Идея «Москва — Третий Рим» одновременно обеспечивала и государственный, и церковный монополизм [см.: Синицына, 1998], который просуществовал до 1917 г. и рухнул не только с гибелью империи, но и с появлением обновленчества. Государственный монополизм на церковную жизнь был разрушен вместе с государством, а новое большевистское руководство взяло курс на разрушение и естественного монополизма Церкви [Шкаровский, 1999, 13–18]. Тогда же исчез и «историографический монополизм»: и как модель восстанавливаемого прошлого, и как монополия школы на восстановление прошлого.

Быстро реконструированный Сталиным в 1920-е гг. в советском государстве, государственный монополизм был оправдан и марксистскими историками. И если оправдание монархизма было в новых исторических реалиях в исторической сфере невозможным, государственный монополизм был удревлен и помещен в самые древние страницы российского прошлого. Школа Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова монополизировала «истинное» прочтение древнерусской истории: согласно ее концепции, власть в Древней Руси была монополизирована родом Рюриковичей, создавших единое централизованное государство со столицей в Киеве [Дворниченко, 2014, 203–281]⁴.

³ Следует обратить внимание на то обстоятельство, что «ересь стригольников» была «актуализирована» в годы борьбы с ересью жидовствующих, и потому борьба за чистоту православия, постепенно набравшая обороты с конца XIV в., может быть вполне представлена как единое явление, свойственное эпохе [см.: Алексеев, 2012].

⁴ А. Ю. Дворниченко довольно жестко оценивает этот свойственный историческим школам «монополизм», но за его хлесткими выпадами можно увидеть мысль, которая, будь она облечена в более дипломатичную, но не менее концептуальную форму, могла бы иметь успех не только у историков.

Этот монополизм как в науке, так и в представлениях о прошлом, был прямым продолжением монополизма, царившего в дореволюционной России и порожденного в XV в. Можно даже утверждать, что монополизм в древности создан и поддерживается из Нового времени, стабильную жизнь древнего монополизма поддерживает историография.

Сегодня, когда Россия выбралась из эпох имперского и советского монополизма, перед историком впервые встает возможность приостановить кризисный путь погружения в монополизм. Живая конкуренция и живой путь постижения прошлого воскрешают память о былом, и Церковь в Древней Руси заметно меняется в представлениях историков. И в свете меняющегося на глазах прошлого все более очевидными становятся стереотипы, которые, подобно шторам, закрывали возможность увидеть очевидное. Одним из таких стереотипов — монополизм, который неизбежно вторгается в ментальность человека Нового времени.

Источники и литература

Источники

1. Основные принципы — Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию // Юбилейный архиерейский собор Русской Православной Церкви, Москва, 13–16 августа 2000 г. Сборник докладов и документов. СПб., 2000. С. 115–122.

2. Повесть временных лет — Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1999.

3. Воскресенская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001.

4. Никоновская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

Литература

5. Алексеев (2012) — Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в. Стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012.

6. Амосова (2008) — Амосова И. В. Центральное государственное управление России во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: Монастырский приказ. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

7. Булгаков (1995) — Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 2. История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988–1240). М.: Изд-во Валаамского м-ря, 1995.

8. Вакс (2011) — Вакс В. Б. Развитие инновационного монополизма в условиях современной экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 10–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-innovatsionnogo-monopolizma-v-usloviyah-sovremennoy-ekonomiki> (дата обращения: 01.11.2018).

9. Воронин (2007) — Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей Publishers, 2007.

10. Гумилевский (1849) — Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской церкви: в 5 т. Харьков, 1849. Т. 1.

11. Дворниченко (2014) — Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры о возникновении Древнерусского государства. СПб.; М.: Евразия, 2014.

12. Демин (2009) — Демин М. Б. О государственном регулировании естественного монополизма в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 436–439.

13. Зимин (1982) — *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М.: Мысль, 1982.
14. Карпов (2003) — *История Средних веков: в 2 т. Т. 2: Раннее Новое время* / Под ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во МГУ, 2003.
15. Карташев (1997) — *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.: Terra, 1997. Т. 1.
16. Костромин (2015) — *Костромин К., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωμα: εν χρόνω, εν προσώπω, εν είδει.* Альманах, Вып. 3: Материалы научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации». Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. / Под ред. к. и. н. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 48–75.
17. Левшин (1913) — *Платон (Левшин), митр.* Сокращение Российской церковной истории // Полное собрание сочинений. СПб., б/г [1913]. Т. 2.
18. Назаренко (2009) — *Назаренко А. В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М.: Наука, 2009. С. 207–245.
19. Отлучение (1912-1913) — *Отлучение* // Полный Православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., [1912–1913]. Т. 2. Стб. 1720–1722.
20. Поппэ (1996) — *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко. Под ред. К. К. Акентьева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Византинороссика, 1996.
21. Сеницына (1998) — *Сеницына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.
22. Фомичева (2014) — *Фомичева И. В.* Электроэнергетика: конкуренция VS монополизм // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 4. Ч. 1. С. 332–340.
23. Шапошник (2006) — *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. Изд. 2-е, испр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
24. Шкаровский (1999) — *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999.
25. DiLorenzo (1996) — *DiLorenzo Th. J.* The Myth of Natural Monopoly // *The Review of Austrian Economics.* 1996. Vol. 9. № 2. P. 43–58.

Archpriest Konstantin Kostromin. Monopolism and Church History Studies: Putting an Issue.

Abstract: Having appeared all-Russian chronicle in the 15th century, in the historiography of the Church History dominates the a priori view of the monopoly of a certain church authority on church affairs, and in Russian Church History dominates the historical monopoly of the Kiev Metropolis of the Patriarchate of Constantinople, and then of the autocephalic Moscow Metropolis (Patriarchate) in ecclesiastical life of the Old Russia. In modern science monopoly is considered solely as an economic phenomenon. It seems strange that the concept of monopoly does not find application in philosophical discourse or in historical context. The Church initially perceived itself as a natural monopoly in the “confessional market”. And it is precisely this model that best explains the Russian church-state relations of the 15th – 17th centuries. The struggle of the state against such monopolism was inevitable. As a result of Peter’s reforms, the monopoly of the Church was “nationalized” by the state and absorbed. An analysis of the situation during the reigns of the princes Vladimir and Yaroslav shows that it is impossible to talk about the monopoly of the Kiev Metropolis. The appearance of the three metropolises in the second half of the 11th century, the situation of the middle of the 12th century, when part of the principalities was subject to the autocephalous metropolitan, and another Constantinople protege, attempts by Andrew Bogolyubsky to organize the metropolis in Vladimir, coexistence in the 14th century of the two parallel Russian hierarchies also violated the principle of monopoly of the church vertical of power. Only in the middle of the 15th century. there was a simultaneous formation

of an administrative monopoly in Moscow Russia and in the Russian Church. The idea of “Moscow is the Third Rome” provided both state and church monopolism, which collapsed not only with the death of the empire, but also with the advent of Renovatianism.

Keywords: History of the Russian Church, monopolism, historiography, natural monopoly, church-state relations.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Associate Professor at the Department of Church History, Vice-rector for Theological Researches at St. Petersburg Theological Academy (k.a.kostromin@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. Osnovnye printsipy — Osnovnye printsipy otnosheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi k inoslaviyu [The Fundamental principles of the Russian Orthodox Church relationship to non-Orthodoxy]. *Yubileynyy arkhivnyy sobor Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, Moskva, 13–16 avgusta 2000 g. Sbornik dokladov i dokumentov*. Saint-Petersburg, 2000, p. 115–122. (In Russian).

2. Povest' vremennykh let — Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. Ed. by V. P. Andrianova-Peretts, D. S. Likhachev. Saint-Petersburg: Nauka, 1999. (In Russian).

3. Voskresenskaya letopis' — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Vol. 7: Letopis' po Voskresenskomu spisku [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 7: Chronicle by the Voskresensky manuscript]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001. (In Russian).

4. Nikonovskaya letopis' — Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 9. Letopisnyy sbornik, imenuemyy patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 9: Chronicle, called the Patriarch's or Nikon's annals]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. (In Russian).

References

5. Alekseyev (2012) — Alekseyev A. I. *Religioznyye dvizheniya na Rusi posledney treti XIV — nachala XVI v. Strigol'niki i zhidovstvuyushchiye* [Religious movements in Russia of the last third of the 14th and early 16th centuries. Strigolniki and the Judaizers]. Moscow: Indrik, 2012. (In Russian).

6. Amosova (2008) — Amosova I. V. *Tsentral'noye gosudarstvennoye upravleniye Rossii vo vtoroy polovine XVII — pervoy chetverti XVIII veka: Monastyrskiy prikaz* [Central State Administration of Russia in the second half of the 17th — first quarter of the 18th century: Monastic order]. Theses of the PhD dissertation. Moscow, 2008. (In Russian).

7. Bulgakov (1995) — Makariy (Bulgakov), metropolitan. *Istoriya Russkoy tserkvi. Vol. 2: Istoriya Russkoy tserkvi v period sovershennoy zavisimosti yeye ot konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240)* [The History of the Russian Church. Vol. 2: History of the Russian Church in the period of its complete dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240)]. Moscow: Valaam monastery Publ., 1995. (In Russian).

8. Demin (2009) — Demin M. B. O gosudarstvennom regulirovaniy yestestvennogo monopolizma v usloviyakh globalizatsii [On state regulation of natural monopoly in the conditions of globalization]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2009, no. 4, pp. 436–439. (In Russian).

9. DiLorenzo (1996) — DiLorenzo Th. J. The Myth of Natural Monopoly. *The Review of Austrian Economics*, 1996, vol. 9, no. 2, pp. 43–58.

10. Dvornichenko (2014) — Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery o vozniknovenii Drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and chimeras about the origin of the Old Russian state]. Saint Petersburg, Moscow: Eurasia, 2014. (In Russian).

11. Fomicheva (2014) — Fomicheva I.V. Elektroenergetika: konkurentsia VS monopolizm [Power engineering: competition VS monopolism]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskoye i yuridicheskoye nauki*, 2014, vol. 4, part 1, pp. 332–340. (In Russian).
12. Gumilevskiy (1849) — Filaret (Gumilevskiy), archbishop. *Istoriya Russkoy Tserkvi [The history of the Russian Church]*. Vol. 1. Khar'kov, 1849. (In Russian).
13. Karpov (2003) — *Istoriya Srednikh vekov, vol. 2: Ranneye Novoye vremya [The history of the Middle Ages, vol. 2: The Early New Time]*. Ed. by S. P. Karpov. Moscow: Moscow University Publ., 2003. (In Russian).
14. Kartashev (1997) — Kartashev A. V. *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]*. Vol. 1. Moscow: Terra, 1997. (In Russian).
15. Kostromin (2015) — Kostromin K. Konfessional'naya polikul'turnost' Kiyevskoy Rusi nachala XI veka [Confessional multiculturalism of Kievan Rus' of the beginning of the 11th century]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Palaiorwsia*. Al'manakh. Saint Petersburg, 2015, vol. 3, pp. 48–75. (In Russian).
16. Levshin (1913) — Platon (Levshin), metropolitan. *Sokrashcheniye Rossiyskoy tserkovnoy istorii [Reduction of the Russian Church History]*. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]*, vol. 2. Saint Petersburg, [1913]. (In Russian).
17. Nazarenko (2009) — Nazarenko A. V. Mitropolii Yaroslavichy vo vtoroy polovine XI veka [The Metropolitans of Yaroslavich in the second half of the 11th century]. Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskoye issledovaniya) [Ancient Rus' and Slavs (historical and philological research)]*. Moscow: Nauka, 2009, pp. 207–245. (In Russian).
18. Otlucheniye (1912–1913) — Otlucheniye [Excommunication]. *Polnyj Pravoslavnyj bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary]*. Saint Petersburg, 1912–1913, vol. 2, pp. 1720–1722. (In Russian).
19. Poppe (1996) — Poppe A. Mitropolity i knyaz'ya Kiyevskoy Rusi [Metropolitans and princes of Kievan Rus']. Podskal'ski G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kiyevskoy Rusi (988–1237) [Christianity and theological literature in Kievan Rus' (988–1237)]*. Saint Petersburg: Byzantinorossica, 1996. (In Russian).
20. Sinitsyna (1998) — Sinitsyna N.V. *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th – 16th centuries)]*. Moscow: Indrik, 1998. (In Russian).
21. Shaposhnik (2006) — Shaposhnik V.V. *Tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v Rossii v 30–80-ye gody XVI veka [The Church-state relations in Russia in the 30–80s of the 16th century]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2006. (In Russian).
22. Shkarovskiy (1999) — Shkarovskiy M.V. *Obnovlennskoye dvizheniye v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XX veka [Renewal movement in the Russian Orthodox Church of the 20th century]*. Saint-Petersburg: Nestor, 1999. (In Russian).
23. Vaks (2011) — Vaks V. B. Razvitiye innovatsionnogo monopolizma v usloviyakh sovremennoy ekonomiki [Development of innovative monopolism in the conditions of the modern economy]. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava*, 2011, no. 3, pp. 10–13. (In Russian). Available: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitiye-innovatsionnogo-monopolizma-v-usloviyah-sovremennoy-ekonomiki> (accessed: 01.11.2018).
24. Voronin (2007) — Voronin N. N. *Andrey Bogolyubskiy*. Moscow: Vodoley Publishers, 2007. (In Russian).
25. Zimin (1982) — Zimin A. A. *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletiy [Russia at the turn of the 15th – 16th centuries]*. Moscow: Mysl', 1982. (In Russian).